

Норка-зверь — эпизод 2 из 2

Во упосли¹⁰ сяго яны пили, гуляли, добры мысли мали¹¹; а дале царевич, папращавшись, паехав да другой сястры, што в серебряном дварце, и в той также пагастив. Яна сказала яму, што брат яё Норка тяперь у меньшай сястры. Ён паехав да меньшай, што жила в залатом дварце. Ета сказала яму, што брат яё тяперь спит на синём море, а дале дала яму напицца сильнай вады, дала меч-кладенец и сказала, штоб ён рубав главу брату адразу. Ён, выслухавши ета, паехав. Приезжая царевич к синяму морю, дивицца — аж спить Норка на камне, пасередине моря, и як храпе — да таго на семь вёрст аж вална бье. Ён перякрестився, пад'ехав к яму, ударив мечем па галаве. Галава адскачила да и кажа: «Ну тяперь жа я прапав!» — а дале и павалився у море.

Убивши зверя, царевич вярнувся, пабрав всех трех сястер с сабою, штоб вывести их на етат свет; бо все яго любили и не хатели з им растацца. Кажная из их из свайго дварца зрабила яичко (бо были валшебницы); яго научили, як из яичка зрабить дварец, и наабарот, аддали яму яички и пашли к таму месту, где трэба было падымацца на сей свет. Як пришли яны к канату, царевич, посадив девушек, дерганув за канат; ён закалыхався, браты патащили. Як вытащили да пабачили¹² диковинных красавиц, аташли ад их да и кажутъ: «Пустим канат, падымем брата, канат перярежим, нехай убъецца, а то ён нам не даст сих красавиц замуж». Во, сгаварившись, пустили канат: брат быв не промах, дагадався, што братья думаютъ, узяв да и палажив камень, дерганув; братья падняли его высоко да и перярезали канат. Той камень упав и разбився. Ён заплакав да и пашов.

Ишов, ишов царевич. Во як паднялась буря, заблискала маланья, загремев гром, полився дождь. Ён пришов к деряву, штоб захавацца¹³ пад ним; глядять, аж на том деряве маленькие птушки¹⁴ савсем измокли; ён изняв с сабе адёжу да и накрыв их, а сам сев пад деревьям. Кали лятить птица, да такая вяликая, што и свет затмився: то было тёмна, а то яще патямнело. То — матка тых птушак, што накрыв царевич.

Прилятевши, тая птица як пабачила, што яё дятёшаты адеты, и кажа: «Хто накутав маих птушак?» — а дале, пабачивши царевича, и кажа: «Ета ты зрабив? Спасибо табе. Чаго хочеш, праси ад мяне за ета; все сделаю для табе!» Ён кажа: «Выняси мяне на тей свет». Яна гаворя: «Зраби ж ты вяликий засек¹⁵, налави всякай дичи да накидай туда, а в другую палавину налий

вады, штоб было чим мяне кармиць». Царевич все зрабив. Тая птица, — взявши етат засек на сабе, а царевич сев у серядине, — палятела.

Лятевши чи багата, чи мала — вынясла яго, папращалась и палятела; а ён пашов да и пристав к аднаму партному у хлопцы: такой он быв абодранный, так перемянився, што и невдамет¹⁶, што царский сын. Ставши у таго хазяина за работника, царевич начав распрашувать, што

у их царстве и як? Той хазяин и кажа: «Наши два царевича (бо третий прапав) привязли с таго света невест и хочуть жаницца, да тыя невесты упирують¹⁷: хочуть, штоб им к вянцу нашить всякага платья, такога, як у них было на том свете, и без мерки. Царь звав всех мастяров, да не адин не бярецца».

Выслухавши все ета, царевич и кажа: «Иди, хазяин, к царю и скажи, што ты нашиеш все па твайму ремяслу». Хазяин и кажа: «Чи мяне ж брацца за такая платья? Я шию на престонародья». Царевич кажа: «Иди, хазяин! Я отвечаю за всё». Той хазяин пашов. Царь быв рад, што нашовся хоть адин мастяр; дав яму денег, сколько ён хатев. Хазяин той, справившись, приходя дамов¹⁸. Царевич и гаворя яму: «Ну, мались богу да лажись спать; завтра все будя гатова». Ён паслухав свайго парабка, лег спать.

Звярнуло с павночи. Царевич встав, пашов за горад — на поле, выняв из кармана тыя яички, што дали яму невесты, и, як научили яго, зделав из их три дварцы; вашов, пабрав у каждом их платья, вышав, звярнув тые дварцы в яички и пашов дамов. Пришовши, развешав платья на стане да и лег спать. Рано праснувся хазяин, глядь — аж висить такая платья, што ён и не видав! Все сые¹⁹ златом, да серебром, да камнями самоцветными. Ён зрадовавсь, взяв панёс тоя платья к царю. Царевны, як убачили, што то платья, што у их на том свете, дагадались, што Иван-царевич на сем свете, переглянулись да и замовкли. Хазяин той, аддавши платья, пашов дамов, да не застав уже свайго дарагога работника. Ён пашов да пристав к башмашнику, да и таго паслав к царю, и той зрабив; только абхадив ён всех мастяров, и усе благодарили яго, што наживались чрез яго у царя.

Як абхадив царевич-работник всех мастяров, царевны палучили сваё желанье; у их всё платья было такая, як на том свете; только яны горько плакали, што царевич не приходя, а наравить²⁰, было нельзя, нада была вянчацца. Як сабрались к вянцу, меньшая невеста и кажа царю: «Пазвольте мне, батюшка, пайти самой падарить нищих!» Ён пазволив. Яна пашла и начала дарить да приглядацца. Падходя к аднаму; як стала давать яму деньги, пабачила кольцо, што дала царевичу на том свете, и кольца сястер сваих (бо то быв ён!), —хватила яго за руку, и привяла яго в комнату, и кажа царю: «Во той, што нас вывяз из таго свету! Братья, кажа, запрятили гаварить нам, што ён жив, и

абещали пабить²¹ нас, кали мы скажем». Царь на тых сынов рассярдился, наказав их, як сам знав; а после гуляли три свадьбы, и я там був, мед-вино пив, в роте не было, а только па бараде тякло.